

КНИГЕ И.А. БЕСКОВОЙ «ПРИРОДА СНОВИДЕНИЯ. ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ»¹

А. П. КРАСНОПОЛЬСКАЯ

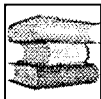
Книга ведущего научного сотрудника сектора эволюционной эпистемологии И.А. Бесковой может быть понята читающим, только если содержание этого текста глубоко интениоризируется и переживается экзистенциально. Смыслы, которые в ней излагаются, можно усвоить, заняв особую *неотстраненную* позицию по отношению к переживаниям интимного опыта жизни своего тела и связанных с ним «субъективных коллизий».

Бескова переставляет акценты в подходе к анализу такой противоположности, как «сон–бодрствование», задавая отношение к сновидению как к специфически значимой информации, и тем самым переозначивает ценностно-смысловые заряды на полюсах этой привычной оппозиции. Нужно признать, что у современного человека технократической культуры, так называемого человека западной рациональности (отрезавшего пуповину, единившую его когда-то с матерью-природой, и утратившего некоторые из способностей архаического человека понимать и воспринимать внешний мир и себя в нем как неотъемлемые

части *неделимого целого*), существует некоторое небрежение к такому естественному процессу, как сон, а тем более, пренебрежение к его продукту – сновидению, воспринимаемому, скорее, как мешающая отдыху и рекреации досадная помеха, которую хотелось бы – да не всегда получается – устранить и игнорировать как «ночной бред». На уровне обыденного сознания западного человека закрепилось представление о том, что «сон – это, скорее, отдых от трудов, время восстановления сил, переработки впечатлений, а бодрствование – это подлинная реальная жизнь, где, собственно, и происходит событие, определяющее путь человека» (с. 9)². Современная технократическая культура характеризуется явным приоритетом активности над пассивностью, созидающего труда над бездействием, бодрствования над состоянием сновидения, что с позиции ценности *меры и гармонии*, наследуемой европейской культурой из античности, может квалифицироваться скорее как асимметрия, перекося, «флюс». Соответственно этим приоритетам выстраивается и иерар-

¹ Бескова И.А. Природа сновидения. Эпистемологический анализ. М.: ИФ РАН, 2006. 238 с.

² Ссылки на страницы книги здесь и далее даются в тексте в скобках.

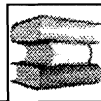
хическая пирамида критериев оценки значимости потоков информации, поставляемых с различных уровней человеческой жизни. И, конечно, устройство этой пирамиды говорит не в пользу оценки важности информации, поступающей к человеку с так называемого бессознательного уровня.

Отсюда и порядок вещей в западной культуре: ее представитель обращается к сновидениям и собственному бессознательному только тогда, когда уже не способен контролировать себя при помощи своего сознания, атакованного прорвавшимся в него хаосом бессознательных проявлений. И обращение это всегда является вынужденным и автоматически помещенным в контекст нормирующей (нежели гармонизирующей) терапии, к которой прибегают обычно уже в ситуации переворачивания иерархической пирамиды оценки значимости информации с ног на голову, когда индивид уже раздираем неврозом на части. Или хуже того – поглощенный психозом индивид и его бессознательное неизбежно становятся объектом интереса (и ответственности) соответствующих ведомств и специализированных органов, а статус психической адекватности легко трансформируется в статус невменяемости (М. Фуко).

Специфической тенденцией, пронизывающей современную западную культуру, является то, что легитимное обращение к упорядоченной работе со сновидениями возможно только в рамках институционально-медицинской узкоспециализированной врачебной деятельности. Это сильно разнится с ситуацией в традиционных культурах, где навык работы со сновидениями является неотъемлемой практической частью обыденной жизни, а в некоторых из них – с раннего детства осваиваемым механизмом адаптации индивида к естественной и социальной среде и особо – к процессам жизнедеятельности собственного тела.

Предваряя основное содержание своей концепции, Бескова исследует историю отношения к сновидению и работе с ним в древних цивилизациях и традиционных культурах и приводит читателя к выводу о том, что практики обращения к сновидениям настолько разнообразны, а культурные техники, в которые они оформились, так изощренны и многофункциональны, что попытка отбросить этот специфический аспект анализа культуры была бы равноценна потере одной из самых загадочных стратегий адаптации человека к собственной природе. В Древнем Египте, античной Греции и других исторических типах цивилизаций обнаруживаются приемы обращения к источнику сновидений за советом и исцелением. Не менее яркими и удивительными, на взгляд современного человека, являются примеры интеграции специфических техник работы со сновидениями в сферу политики, образования и первичной социализации. Например, механизмом политической регуляции межплеменных отношений внутри группы народностей ирокезов (мохавк, онейда, онондага, кайуга, сенека и гурон) был ритуал «Онохаройа». Суть его заключалась в том, «что каждый год через некоторое время после первого снегопада представители разных народностей племени собирались вместе для совершения особого ритуала единения. Выбранные индейцы осуществляли длинные переходы к месту встречи. Собравшись вместе, участники с помощью масок должны были представить свои сны» (с. 58).

Примером уникальной техники работы со сновидениями, направленной в том числе и на выполнение функции первичной социализации, является практика племени сеноев – этнической группы, проживающей в горных джунглях Малайзии. «Сеноев воспринимают сновидения как науку, которой с детства обучают своих детей. Каждое утро отец вместе со старшими сыновьями анализирует

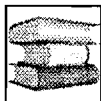
сны всех своих детей. Учит их как правильно использовать толкование сна, инструктирует, каким образом поступить в следующий раз в ситуации, вызвавшей затруднение в данном конкретном случае. Так, например, если ребенку снится падение со скалы и он в ужасе просыпается, родители могут сказать, что это был очень важный, очень ценный сон, которого не нужно бояться. Это духи земли приглашали его к себе. И ничего страшного не произошло бы. В следующий раз, когда приснится что-то подобное, ребенок должен не пугаясь, мягко спланировать на землю, встретиться с обитателями той территории, на которую он опустился, постараться как можно больше узнать о месте, где побывал; если удастся, получить дары и принести их своему племени. <...> Важным является тот факт, что обсуждая совместно с другими свои сны, дети чувствуют себя социальными партнерами взрослых. Они ощущают, что приняты сообществом. Возможность передать свои переживания другим поддерживает детей, поскольку они весьма зависимы от того, как принимает их сообщество, а также от одобрения и критики взрослых» (с. 59).

Как же редуцированно выглядит место, отведенное сновидению в модернизированной культуре на фоне такого многообразия понимания ценности жизни, протекающей в сновидении, и использования его как ресурса познания и освоения мира. Несмотря на многочисленность обращений к исследованиям проблемы сна, осуществляемых в рамках современных представлений о природе сновидения (им посвящена вторая глава работы Бесковой), все они сводятся к констатации ограниченности возможностей рационально-теоретической методологии европейской научной парадигмы в попытке раскрыть суть такого феномена, как сновидение, как бы ни интересны были факты, собранные учеными о связи так называемого

БДГ (быстрого движения глаз) и переживаниях тех, у кого оно наблюдается в парадоксальной фазе сна.

Третья глава работы Бесковой, на наш взгляд, самая интересная и сложная для понимания. Именно она, скорее всего, вызовет неоднозначные реакции у сторонников естественно-научной онтологии, потому что в этом разделе автор задает основные понятия и категории своей методологии, которая является попыткой представить интегративное диалоговое поле моделей анализа сновидений, укорененных в картинах мира, которые раньше традиционно не совмещались. Так, человек здесь моделируется на стыке информационно-синергетического подхода (уже легитимированного в рамках европейской научной картины мира) и представлений о человеке, восходящих корнями к традиционному знанию Востока.

Схематически уплощая предлагаемые Бесковой основания для построения нового отношения к триаде феноменов «человек как целое – телесность – сновидение», можно сказать, что триада эта рассматривается как информационно-энергетическая структура, образующаяся в результате использования приема взаимопроекций как минимум двух мыслительных плоскостей. На одной из них человек представлен как информационная (кибернетическая) система, перспектива существования которой находится в прямой зависимости от успешной переработки и усвоения потоков информации о ее собственном функционировании, поставляемых ей из различных частей самой себя и окружающей ее среды. На второй мыслительной плоскости Бесковой удастся эвристически вернуть представления о человеке, выработанные в традиционных китайских и индийских системах знаний, в которых человек и мир суть энергетические взаимовлияющие

(порождающие и разрушающие) потоки энергии. На наш взгляд, важно отметить аргументированную проблематизацию Бесковой устоявшегося стереотипа об иерархической структуре управления системой «человек», которая обычно мыслится в рамках современных западных представлений как подчиненная индивидуальному «Я» человека, что, на взгляд автора, есть переупрощение и лишь идеальное представление современного западного человека о самом себе. Бескова предлагает рассматривать существование системы «человек» скорее как гетерархию, где управление поделено между сознательным «Я» и организмом-телом. Аналогично этому она проблематизирует и якобы ясную телеологию, обычно приписываемую такой системе, как «человек». В предлагаемой автором концепции в управлении системой «человек» так же гетерархированно разделены и цели, ни одна из которых не является исключительным приоритетом для системы в целом.

Кульминацией возможностей построения целостной модели человека является введение Бесковой концепта «поверхностная структура» (surface structure) и концепции диссоциированного человека. Автор выстраивает ясное объяснение сновидения как данного природой естественного механизма. Сновидение – это «бесконечно гуманный, шадящий механизм обуславливания личностного роста, духовной эволюции человека. Ведь если в реальности человек сделает неверный выбор, он пострадает реально, а может и умереть. Во сне же все обратимо. *Это удивительный вариант тренирующей практики, которая обеспечивает все плосы успешных выборов и максимально сглаживает минусы неудач, снова и снова предоставляя человеку шанс разрешить значимую для него ситуацию, сделать тот внутренний шаг, который отделяет его от следующей ступени собственной эволюции*» (с. 162).

Предложенный Бесковой подход к сновидениям и работе с ними видится настолько эвристичным и методологически продуктивным, что имеет все задатки лечь в основу нового плана исследования культуры. Перспектива разработки и применения такой парадигмы открывает возможность провести анализ культуры в совершенно ином неожиданном ракурсе: ведь набор базовых предпосылок для нового представления культуры был заложен в рамках других подходов к исследованию культуры еще ранее. Такими предпосылками, например, являются: неозволюционистское рассмотрение системы культуры как организма, разработанное в рамках структурализма; знание о культуре как структуре отношений, возникающей в результате проекций человеческой телесности на окружающий мир и, наоборот, окружающего мира на человеческое тело, это и относительно новое представление культуры как процесса энергоинформационного обмена, разрабатываемое в рамках информационно-коммуникативного подхода. Среди информации, существующей в этом телесно-организмическом и коммуникативно-энергетическом целом культуры, до сего момента пустовало место «сновидений культуры», роль которых – это можно предположить без особой натяжки – в культуре выполняют продукты художественного вымысла: от мифо-ритуальных практик и обрядов до современных произведений живописи, литературы, ТВ, кино и т.д.

Не менее уникален и интересен мощный философский посыл автора книги, провоцирующий в читателе припоминание, повторение и удивленную медитацию над древним вопросом о сновидческой природе сознания. Медитацию, ядром которой становится неожиданно звучащий на «языке эволюционной эпистемологии» все тот же вопрос: а не способность ли видеть сны есть источник сознания?